

И. И. ГОЛИКОВ

Статьи, заключающие в себе характеристику Петра Великого и суждения о его деятельности

ОБРАЗ ТЕЛЕСНЫЙ

Милующий Россию Бог, благоволив дать ей сего великого государя, одарил его отличными свойствами, как внутренними, так и внешними. Рост его был два аршина четырнадцать вершков. Лицо полное и несколько смугловатое; глаза черные, исполненные живости и огня; чело, нос, губы пропорциональные. Волосы темные и почти черные, и которых он не пудрил, не отрощал и не завивал, а зачесывал только просто. Небольшие усы, кои он, следуя бывшему пред тем в Европе обычаю, оставлял, придавали оному вид военный и грозный; вообще на лице его изображалась важность, глубокомыслие, строгость, милосердие и заботливость. Голос имел ясный и громкий, выговор чистый, произношение сановитое; мысли свои выражал с жаром, но свободно, кратко и сильно. Стан стройный и величественный, походку гордую; сложение тела крепкое, по которому он мог переносить невероятные труды. При первом на него воззрении вперял во всякого к себе благоговейное высокопочитание, смешанное со страхом и любовью.

ТЕМПЕРАМЕНТ

Темперамент его был горячий и пылкий. Мятежники, ослушники и преступники воспаляли его гневом, изменявшим иногда черты лица его, что особливо приметно было во молодых его летах, но присутствие духа его скоро оный угашало и рождало рас-

каание. «О Боже!» — восклицал он в таких случаях с сердечным прискорбием: «Будучи в состоянии исправить народ мой, не в состоянии нахожусь исправить самого себя».

Толико чувствительное признание собственных проступков не доказывает жестокости сердца.

Непроникающие же в него приписывали строгости его к преступникам сего ему темпераменту, а суеверные его недоброхоты, и пристрастием или завистию зараженные иностранные писатели называли оные жестокостию.

ПРОНИЦАНИЕ

Проницание его было столь острое, что при первом взгляде на кого редко ошибался в свойствах оного. Он, обыкновенно молодым людям, приподняв на лбу волосы, смотрел в глаза, — и безошибочно предсказывал о их способностях и в чем что успеет, говоря присутствующим: «В сем малом будет путь», или «не будет», и определял их в те звания, к каким по замечанию его был кто способен, и никогда в том, или по крайней мере весьма редко ошибался. Он всякие умыслы и заговоры как бы пророчески проникал и завременно оные предварял и разрушал*.

СНИСХОЖДЕНИЕ

Снисхождение его к подданным было беспримерное. Он обращался с ними не иначе, как отец с детьми. «Меж подданных своих, — говорит Ломоносов, — обращался просто, не имея великого и монаршее присутствие показующего великолепия и раболепства... Пешему свободно было просто встретиться, следовать, идти вместе, зачать речь, кому потребуется». И как всякий мог к нему свободно достигать, так и нужды свои предлагать, и если то была какая жалоба, то он спрашивал просителя, смотря на него быстро, уверен ли он о истине своего дела и о справедливости своей жалобы? и буде проситель в том его уверял, то повелевал явиться в Сенат, или в какую коллегия, назнача к тому день и час, и никогда сего часу не забывал. Он удостоивал своих посещений не токмо знатных, но и самых низких и бедных людей и не отказывал звавшим его на обед, хотя б надлежало для

* Свидетельствует о сем архиепископ Феофан в слове на годичное его воспоминание.

сего входить в хижину простого мастерового или матроса. Однажды монарх, быв на работе у галерной гавани, сказал командиру оной поручику Неплюеву¹: «Я зван на родины; поедem со мною»; и, приехав к работнику команды сего Неплюева, поцеловал родильницу и жаловал ей несколько денег, выкушал чарку горячего вина и, закуся пирогом с морковью, подал кусок одного поручику: «Заешь, брат, — сказал ему, — эта родимая наша пища, а не итальянская» *.

Один иностранец из самовидцев, описывая его пребывание в Голландии, говорит о снисхождении его так:

«В свободное время главнейшее его увеселение состояло обыкновенно в том, чтоб осматривать всякие вещи, достойные любопытства или стоящие его примечания, в домах частных людей, где он пользовался всеми случаями вступать в дружеские с ними разговоры толь вкрадчивым образом, что голландцы, привязанные отлично к вольному обхождению, прельстились вольными и откровенными его поступками; сие возымело в них такое действие, что почти невероятно, коль многие охотно соглашались служить ему».

ТРУДОЛЮБИЕ

Трудолюбие его было столь же беспримерно, как и снисхождение. Он не терпел праздности как в себе, так и в других. Вставая в четвертом часу пополудни, приезжал в Сенат и дожидаясь сенаторов, а по выходе спрашивал, нет ли еще каких дел. После кушания обыкновенно ездил на адмиралтейские и другие работы или в других каких упражнялся трудах; ночного времени тихостию пользуясь, чертил планы кораблям, крепостям и проч. и более пяти часов в сутки не почивал **. Никогда не было человека деятельнее его; он считал не дни свои, а минуты, и не было ни одной, о потере бы которой он жалеть был должен; и если где его присутствие казалось надобно или обещало какую пользу, в какой бы то части государства ни было, тотчас летел туда без свиты с непонятною скоростью. Его деятельность как бы его некоторым образом умножала и делала присутствующим во всем пространстве империи.

Можно бы, казалось, почестъ за отдохновение от трудов его посещения, коими он удостоивал подданных, препровождая

* Неплюев жил довольно в Италии, обучаясь в Венеции морской службе.

** Предисловие на книгу Савариева «Лексикона».

время то в дружеских беседах по несколько часов, и иногда доводил оное и до веселости, хотя сие последнее случалось редко. Но и самые сии веселости были у него средством к лучшему узнаванию соприисутствующих с ним. Он тогда в растворенных сердцах их читал, как в раскрытой книге, все чувствования их и обращал оные в пользу великих намерений своих.

ТВЕРДОСТЬ В ПРЕДПРИЯТИЯХ

Что он предпринимал, то всегда оканчивал, невзирая ни на какие препятствия. Твердости его ничто противостать не могло; все оной покорялось, сие не только нам, но и всей Европе известно. Самые знаменитейшие писатели о таковой твердости его говорят с удивлением. «В предприятиях его никакая трудность и опасность (слова ученых сих) не могла его устранить; средства самые чрезвычайные, самые скорые, и самые отважнейшие были те, которые он предпочитал к успешному произведению своих намерений. Деятельность его как бы умножала его некоторым образом, и делала повсюду. Самые обширные намерения его никогда не устрашали; он следовал им с жаром и с твердостью, которые отнимали все, что ни казалось в них сперва химерическим. Смелость его ума и страсть к чрезвычайным делам заставили его предпринять и совершить в немногие годы ужасное и скорое преображение народа грубого и невежливого в полированный *. Он во всем, — придает к сему Вольтер², — преодолел природу в подданных своих, в самом себе, на земле и на водах, но преодолел ее к ее украшению».

ПРАВОСУДИЕ

Правосудие его было ко всем равное без наималейшего послабления и лицезрения; богатые и убогие, знатные и низкие, чужестранцы и свои, одинакую ощущали правду. Престол его был престол правды. «Потачка верховной главы, — говорит писатель истории его, в Венеции изданной³, — бывает вредительнее, нежели скорая и строгая правда. Сия страхом неминуемого наказания приводит злодеяние в мерзость, а оное надеждою прощения побуждает к преступлению законов. По сей причине не-

* Словарь исторических портретов, анекдотов и слов, достойных примечания знаменитых особ. Т. III.

сравненный сей законодавец в великих преступлениях проволок не дозволял; но коль скоро оное уличено, тотчас и наказание следовало, а отговорки преступника не находили себе услышания». Таковую строгость его правосудия особливо чувствовали судьи, которые вверенные им весы правосудия наклонять дерзали пристрастиями своими.

«Того ради, — говорит государь, — надлежит (судей) в винах звания своего волею и ведением преступивших, так наказывать, якобы кто в самый бой (сражение) должность свою преступил, или как самого изменника, понеже сие преступление вяще измены; ибо о измене уздав остерегутся, а от сей не всякой остережся, но может зело гладко под кровлею долго течение свое иметь и злой конец получить» *.

Напротив сего судьи, исполняющие с ревностью законы, поставляющие себя превыше боязни раболепствующих и низких душ, превыше личных неудовольствий и убедительных просьб, были его истинными любимцами. Он любил говоримую себе от таковых правду, хотя бы она произносима была и весьма грубо, и всегда их отличал возвышением и уважением своим. Мудрый государь ведал, что неправосудие и зараза пристрастия в судах есть одно из начальнейших зол, разрушающих государства.

МИЛОСТЬ И ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ

Удивительно, коль умел великий сей государь соединять с толикою правосудия строгостию милосердие свое. «Милость его, — говорит Ломоносов, — хвалилась на суде и в самых тех случаях, когда многим его делам препятствующие злодеяния к строгости принуждали». Не было толь тяжкого преступления, которого бы он ни простил, если только виноватый добровольно явит искреннее раскаяние. В таких случаях обыкновенное слово его было: «Бог тебя простит»; но надобно было виноватому предварить раскаянием своим донос или улику судом: ибо тогда раскаяние почитал он следствием необходимости, и место милости заступало уже правосудие. Но впадающие в преступление неумышленно или по стечению каких-либо несчастных обстоятельств, всегда находили в нем евангельского одного отца, приемлющего в объятия свои заблудшего сына; а по злости сердца преступающее и в том закосневающие неумытного судью. В сомнительных обстоятельствах страшился он оскорбить судимого,

* Указ именной мая 20, 1724 года.

говоря при таких случаях, «что лучше десятерых виновных простить, нежели одного невинного оскорбить». Страх суда Божия, всегда в нем пребывающий, управлял движениями сердца его как в милости, так и в правосудии. «Рассуди, невестушка! — отвечал он царице Прасковье Федоровне⁴, просившей прощения фрейлине Гамильтоновой, убийце детей своих, — рассуди, невестушка! Как тяжело мне правый закон отца или дела моего нарушить, то коль тяжчае закон Божий уничтожить. Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом⁵, которые, нерассудною милостию закон Божий преступая, душою и телом погибли». «Сделайте правду, — пишет он при другом случае Сенату, — и не погубите душ своих и моей, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания».

Впрочем, человеколюбие его доказывают спасительные учреждения его о сохранении детей несчастно рождаемых, подкидышей и бедных; доказывают миллионы долгов, прощенных им; доказывают возвращенные из ссылок, освобожденные из-под стражей; доказывают устроенные госпитали, больницы, богадельни, снабжденные достаточным содержанием, и проч.

ЭКОНОМИЯ

Мы разделим оную на домашнюю и государственную.

Великий государь в особенности жил более как домостроительный дворянин, а не как государь; стол его был самый простой. «Некогда, — говорит г. Ланг^{*6}, — случилось мне быть у двора в праздничный день, в такое время, когда он возвращался из церкви, последуем своими министрами, офицерами и многими знатными особами. Стол его тогда состоял из шестнадцати приборов. Коль скоро подали кушанье, то и сел он с императрицею; потом обратясь к собранию: “Господа! — сказал, — извольте садиться, кому достанется место, а прочие пусть едут обедать с своими женами”». Таковый стол был еще праздничный.

Дворец его не имел почти никакого великолепия, и даже камеры-аудиенц для приема послов (она была при Сенате), и никогда не был, так сказать, беспокоиван шумом. Он предоставил великолепие императорского двора представлять любимцам своим, сначала Лефорту, а по смерти его князю Меншикову.

«У него не было ни камергеров, ни камер-юнкеров, ни пажей, ни драгоценной посуды; десять или двенадцать молодых дворян

* Ланг в своем дневнике. См.: *Ланг Л.* Белое путешествие. Ч. III. С. 189.

в звании денщиков и столько же гвардейских grenадеров составляли весь его двор; не было для служителей богатой ливреи» *. Хотя же и упоминаются в истории его все сии придворные чины, но они не скоро были учреждены и исправляли звание свое только в церемониальные дни.

Платье его, в коем он выезжал в присутствия и на работы, состояло из фрака, наподобие казакина, из сукна не весьма тонкого и цвета по большей части серого; вместо шпаги носил кортик; манжет не имел, но белье имел чистое и хорошее. Военное платье его видим мы сохраненное в Кунсткамере при императорской Академии наук; оно состоит в полковничьем его гвардии Преображенского полка мундире из зеленого голландского посредственной доброты сукна с тафтяною того же цвета подкладкою, обложен по борту обыкновенным золотым галуном с большими медными позолоченными пуговицами, и колете из весьма толстой лосиной кожи, шляпа без позумента, шпага с медным без позолоты и черною проволокою обвитым эфесом, знак обыкновенный гвардейского офицера, галстух из простой черной кожи.

Орден надевал на себя только в праздничные и публичные церемониальные дни. А хотя на восковом его изображении, в той же Кунсткамере находящемся, и видим на нем обьяринной голубой и серебром шитый кафтан с кружевными манжетами и галстуком, но оный был на нем только единойжды, во время коронавания императрицы, его супруги, и то по ее просьбе.

Чулки его, также хранящиеся, были гарусные, изношенные до дыр; башмаки с подметками **.

Экипаж его обыкновенный в городе был летом одноколка, а зимою санки, по большей части в одну лошадь, и иногда с верховым.

Церемониалов не терпел, пышность и блеск презирал, исключая дней, в которые он въезжает по победах своих с торжеством: сие делал монарх для того только, дабы сильнейшее о них сделать в сердцах подданных впечатление.

Никакой игры и никакой охоты не любил, и почти никогда ими не занимался.

По таковой жизни его и не удивительно, что годовые расходы двора его не превосходили шестидесяти тысяч рублей. Он имел

* Начертание о достолавном царствовании Петра Великого. Но двор императрицы чины сии имел.

** С подметками башмаки. Сии от того, что которые в них были ему покойны, с теми он расстаться не хотел и нашивал одни по году и больше.

(говорит издатель Венцианской истории его) все удовольствие великого монарха и совокупно всю приятность жизни приватного дворянина.

Нельзя было не подражать в таковой жизни монарху и подданным его, и сие тем паче, что он того хотел и во всяком роде расточение, мотовство и суетность запрещал и наказывал.

Но если толикакая экономия в домашней его жизни удивительна, то экономия его государственная превосходит всякое удивление. С какою чрезвычайно бережливостью сохранял он леса, колико пекся и ободрял хлебопашество, размножал всякого рода продукты, разводил иностранных пород овец, лошадей и рогатый скот, вводил всякие художества, мастерства, фабрики и заводы, вспоможествуя всему оному немалыми суммами денег; для облегчения и безопасности перевозов соединял реки и моря каналами, делал дороги и прочее, а всем таковым хозяйственным попечением удержал в государстве превеликие суммы денег, выходявшие до того за границу.

Сверх сего, установя во всем государстве строгую полицию, изгонял всякую роскошь и игры, завел училища, сиротские дома и больницы, пресек скитание повсюду нищих, устроив для них богадельни и рабочие дома, учредил непрременные и одинаковые веса и меры, положил цену нужным съестным припасам, предотвратил разумными учреждениями бедствия от пожаров и прочее; но одеть великую армию по-европейски, не имея сначала своих ни судов, ни ружей, ни меди для артиллерии; устроить великий флот, не имея ни железа, ни полотна; вести войну почти во все время царствования своего с сильными неприятелями; давать союзникам своим великие помощные деньги; содержать при всех иностранных дворах министров, консулов и агентов; употреблять знатные суммы денег на политические извороты, выписывать и доставать отовсюду в Россию, не жалея на то никаких сумм, ученых людей, художников, машины, инструменты, книги и разные вещи во множестве; довольствоваться по статской службе всех жалованием; употреблять великие же деньги на воспитание и на обучение повсюду же разосланных россиян; путешествовать неоднократно самому ему по Европе; заплатить при славном окончании войны шведам два миллиона рублей и привести почти все намерения свои до желаемой цели, не истощив подданных с весьма малыми государственными доходами, которых сначала не более пяти миллионов было; не войти в долг и оставить после себя наличных денег несколько миллионов — есть наивернейшее доказательство непостижимой поистине государственной экономии его.

Мы слышали уже великого хозяина сего, вещающего, что он в жалованных по службе своей деньгах волен, но с народа собираемых не может иначе употреблять, как в пользу государственную, и в которых он некогда обязан будет отдать отчет Богу. Толико то сильное имел монарх побуждение к сбережению и правильному употреблению государственных доходов!

Впрочем, в вышеупомянутом исчислении расходов не упомянулись употребляемые на содержание армии и флота, на доставление повсюду провианта и амуниции, на сделание великих каналов, на построение городов, пристаней, дорог, и на прочее сему подобное: ибо оное все исправляемо было общим подданных иждивением по нарядам правительства, и которые сборы до подушного оклада не включались в число государственных доходов, а в расположении поровну со всех, и в собрании помянутых денег с подданных строгий порядок делал почти нечувствительными поборы оные. Доказательством того, что оные не были тягостны, есть то, что все то заменили подушные деньги, положенные по 74 копейки с ревизской души мужеского пола, число которых состояло тогда только в 5 794 928 душах мужеского пола.

МУЖЕСТВО И НЕУСТРАШИМОСТЬ

Искусство воинское, бывшее до того без всяких правил, великий государь в краткое время довел до такой степени совершенства, что новое его войско соделалось страхом шведскому, в победах возмужалому и дотоле оное презиравшему, что засвидетельствовал разбитием своим сам Карл XII, которого вся Европа страшилась и за непобедимого почитала. Но что до личного мужества героя нашего касается, то где оное было потребно, никогда не думал он об опасностях. Мы из многих сему примеров предоставим себе только на рыбацких лодках атакующего его два морских судна, двадцатью пушками защищаемые, взлезającego первого на оные и их пленяющего; представим его одерживающего собственною ж храбростию с галерами над флотом шведским при Аланде победу; представим его в осеннюю ночь между валов ярящегося страшною бурей моря, пускающегося в шлюпку с корабля на неизвестный берег; представим сражающегося его с Левенгауптом⁷ семь часов и на голову побивающего славные победы войско; представим его на полях полтавских в устроенном к бою войске своем между градом пуль неприятельских, около главы его шумящих, возвышающего сквозь звуки глас

свой и полки к смелому сражению ободряющего, и в конец силу шведскую сокрушающего; представим его под Фридрихстатом предводящего войско свое по узкой плотине противу пушечных выстрелов отчаянного неприятеля, и градом оным овладевающего. Представим его в наибедственнейшем под Прутом положении, презирающего смерть и из челюстей ее безвредно выходящего, а все сие купно представляя, и будем иметь довольное понятие об героической его неустрашимости и о беспримерном присутствии духа его; но представим наконец в победах и великодушные его.

ПОПЕЧЕНИЕ О ВОЙСКЕ

Но что паче всего возвышает славу его в сем пункте, то любовь его к воинам, отеческое попечение его о их сохранении и о их продовольствии. Мы сие видели во все течение его жизни. Не было почти одного повеления его к начальникам воинским, в котором бы он не напоянул о хранении и о безнужном их содержании. «Определите», пишет он Сенату, «по дороговизне в Выборге пред другими городами покупаемого на покупку солдатам вина, мяса рыбы, круп и прочего на потребу больных денег, сверх жалованья их, по десяти тысяч рублей». «Бросьте лучше все, — пишет он к фельдмаршалу-лейтенанту Огильвию, — и самую артиллерию, но спасите людей и больных, что паче многих викторий ему причтено будет». Он не только называл их товарищами, но и самую вещь был оным, снося наряду с ними все тягости и нужды военные. Он поселил в них не только храбрость, но и сыновнюю к себе любовь. Каждый из них имел надежду в награде за службу и в безнужном по отставке своей содержании; каждый служил радуясь, видя товарищей своих по отставке покоящихся в госпиталях, устроенных для них по многим монастырям и в столицах. «Здесь, — восклицает государь при устройении большого для них госпиталя, — здесь всякий изнеможенный найдет себе помощь и упокоение».

БЛАГОЧЕСТИЕ

Великий государь, не удовольствуясь доставлением подданным своим всякого временного блага, с такою же неусыпностью пекся и о доставлении им вечного блаженства. Он воспитывал

чад их в страхе Божиим, наставлял отцов их в несуетном богопочитании, успокаивал в сомнительстве совести, отводил от суеверия и приводил к познанию истины, и сие делал сей отец человечества не с одними знатными токмо, но и с самыми простыми людьми, паче же с раскольниками, к чему обыкновенное оружие его было Священное Писание, а паче Павлово учение, которое он наизусть помнил; сверх сего понуждал весь народ к непременному исправлению должностей христианских как многими указами своими, так и собственным своим примером. Его первое веселие было дом Господень, в котором не слушатель токмо предстоял Божественной службе, но сам чиномначальник; умножал внимание и благоговение предстоящих своим монаршим гласом и вне государского места с простыми певцами наряду стоял перед Богом; а чтение Апостола посреди церкви обыкновенное было его дело при всякой литургии. Во дни же воспоминания побед, которые он относил, так как и все успехи в делах своих, единственно Божией помощи, слушал в соборном Троицком храме всенощные бдения, святую литургию и молебное пение с великим благоговением *.

Но установление Святейшего Синода и духовных училищ, спасительные наставления его, предписанные в духовном регламенте пастырям Церкви, и проповедуемое повсюду чистое слово Божие, истребляющее плевелы суеверия, есть несомненное доказательство и как бы печать его благочестия. Надежда его и упование во всем на помощь Божию делала его при всех опаснейших сражениях с неприятелями и при усмирении внутренних мятежей крайне неустрашимым, и он из слов св. апостола Павла сделал себе пословицу, которую слышали его при всех опасностях вещающего, а именно: «Аще Бог по нас, то кто на ны?», а таковая твердая надежда его на Бога и была явственно всесильным его покровительством засвидетельствована, сохранившая его невредимым при всех атаках крепостей, при всех

* Сии всенощные бдения отправлялись в присутствии его и продолжались по пяти и по шести часов, а в воспоминание Полтавской победы по семи часов. В сей день во время обедни обыкновенно все находившееся в Петербурге войско находилось в собрании вокруг храма. Благодарный молебен отправлялся знатным и всем духовенством среди войска в поставленном шатре при троекратном из ружей бегом огне, и при пальбе из пушек с обеих крепостей и галер, выводимых пред собор. Монарх в сей день всегда сам командовал войском и угощал столom всех от генерала до офицера, а для солдат и народа выставлялся на площади обед, вино и пиво, и оканчивалось торжество дня сего обыкновенно фейерверком.

сражениях морских и сухопутных; и при усмирении бунтовщиков и изуверов.

Впрочем, в течение жизни его видели мы, что просвещение его дозволило всякому инозаконному христианину свободное отправление веры и обрядов своей церкви; самые иноверцы никакого не терпели гонения или принуждения. Ревность к вере не по разуму почитал он всегда противною благочестию и разуму*.

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Любовь его к отечеству превосходила всякие пределы; она была душою всех соделанных им чудес и преображений; она заставила его, оставя скипетр и величество, записаться в Голландии в плотники, и наряду с мастеровыми обучаться всем художествам. Она была его, так сказать, божество, которому он жертвовал не токмо покоем своим, но и сыном своим, но и самую жизнь свою, подвергал оную тысячам опасностей. «Вы называете государя жестоким, — говорил монарх цесарскому министру, — когда он для спасения своего государства, долженствующего быть для него дороже самой жизни, лишает наследства короны принца своей крови, а я, напротив, почитаю самую величайшею жестокостью жертвовать целостью государства установленному порядку наследства, и проч.». «Если я впаду в турецкий плен, — пишет сей отец человечества в Сенат из-под Прута, быв окружен в десять крат большею турецкою силою, — то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повеле-

* «Ревность не по разуму производила страшные действия. Таковую ревностью к закону беснующиеся, истребляя род человеческий, мнили себя приносящими службу Богу. Сия ревность миллионы истребила народов; самые противные человечеству тиранства казались им добрыми делами. В Испании в одно время обвинен был жид в произношении хулы на богоматерь, присужден к содранию с живого кожи. Несколько кавалеров, сею ревностью возбужденные, в масках взошел на эшафот с ножами, столкнув палачей, приняли на себя отмщение чести Святой Девы и содрали кожу» (*Монтескье. Дух законов*).

Сея бесчеловечные ревности, или паче адского изуверства, открылось недавно новое доказательство, а именно в Испании, по случаю бывшего в Алкантаре пожара, во время сгорания Миноритского монастыря. Полиция нашла в оном пять страшных темниц, наполненных человеческими трупами.

нию от вас было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице моем; но если я погибну, и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники». Сия беспредельная любовь его к отечеству заставляла его денноночно трудиться как в устройении блага подданных, так и в утверждении оного законами.

Сия беспредельная любовь его к отечеству, преодолев все страшные трудности, восторжествовала над всеми невозможностями, и толикие произвела чудеса, из которых и самое, по мнению моему, наибольшее ее же силе приписать должно, то есть что и самые суеверием и ненавистью к его величеству зараженные сердца воспламенились напоследок сыновнею к нему любви и оплакивали его равно как и все просвещенные, как и все благомыслящие подданные. Истинны суть слова апостольские, что «любовь побеждает все».

ЗНАНИЯ ЕГО В НАУКАХ И ХУДОЖЕСТВАХ

Беспримерный сей монарх при великих душевных своих свойствах имел нарочитые познания о всех науках и искусствах, особливо же в механике, физике, географии и хирургии; в некоторых же был и совершенен, как то: в мореплавательной, в кораблестроительной и в геометрии. «Он был, — говорит Вольтер, — наилучший плотник, искуснейший в севере мореходец; нет такого трудного прохода от начала Балтийского моря до океана, который бы он сам не проведал, присовокупя матросский труд к знанию философа и к намерениям императора».

«Петр Великий, — изъясняется собрание ученых мужей, — сделался самым ученейшим в своем государстве. Он говорил на многих языках, был весьма знающ в математике, физике и географии; он знал даже и хирургию, которого искусства оказал неоднократно опыты».

«Откуда же, — заключает архиепископ Феофан, — почерпнул он толикую премудрость, не быв учен ни в какой школе, ни в какой академии? Но академии его были грады и страны, учителя бывшие при дворе его — послы, приезжавшие к нему знатные гости и угощавшие его в различных странах государи, принцы, правители, знатнейшие министры: ибо где он ни был, с кем ни беседовал, ничего не оставлял без замечания, ничего без исследования».

И таким образом в Амстердаме у славного Рюйша⁸ делал он своими руками хирургические операции; в доме бургомистра

Витцена обучался практической физике; и мало осталось наук и художеств, говорит г. Вольтер, которых бы он не исследовал порознь. Капитан-инженер Перри⁹, коего он принял в Лондоне в свою службу, свидетельствует, что государь в бытность свою в Англии не оставил никакого художества, которого бы он ни примечал, и которому не приложил бы рук своих всякий раз, когда входил в мастерские избы. С шотландцем Фергюссоном, принявшим у его же величества службу, примечал и исчислял затмения; и помянутый Перри, продолжает г. Вольтер, хотя и негодовал на него за недовольное жалование, признается однако же, что великий сей государь был искусен в астрономии, хорошо ведал все небесных тел обращения и законы тяжести, которые оными управляют. «Сия до времен великого Невтона¹⁰ неизвестная сила, — заключает Вольтер, — по которой все планеты одна о другой движение заимствуют, и которая их содержит в их кругах, была уже известна российскому монарху в то время, как в прочих странах довольствовались токмо знанием вымысленных (невежеством) обращений, и в Галилеевом¹¹ отечестве невежи заказывали невежам верить обращению земли; а чтение лучших и отборных книг на иностранных языках, частые разговоры и переписка его с самыми ученышими того времени философами, из числа которых были Лейбниц¹², Вольф¹³, Фонтенель¹⁴ и другие члены Парижской академии, которой он был сочлен, усовершеншили познаниями быстрый его от природы разум; и от сего-то происходило, что разговоры его о всякой материи были основательны, тонки и краткостию исполнены; от сего-то происходило, что на самые темные и сомнительные доклады и вопросы давал резолюции и ответы ясные и скорые, и о чем бы ни произошло слово, тотчас слышали от него весьма острое рассуждение, сильные доводы и приличные к материи притчи и подобию, неизреченно услаждавшие слышащих его».

ПУТЬ, ПО КОЕМУ ОН ШЕСТВУЯ, ДОСТИГ ДО СВОЕЙ ЦЕЛИ

Описав телесный и душевный образ великого монарха, кажется мне, что будет оный не совсем еще совершенным, ежели не опишем и пути, предызбранного им, по которому он, шествуя, достиг до цели великих своих намерений и до толикого величия славы.

Обозрим, возлюбленные соотчичи, путь сей! Мы не почувствуем на оном скуки, следуя за предтечею нашим.

Путь сей тем большего достоин замечания, что оный никем до него не был проложен.

Светильник природного его великого разума, зажженный беспредельною его к отечеству любовью, был единственным указателем стезей по непроходимому пути сему.

Беспредельное властолюбие царевны Софии Алексеевны, сестры его, захватившей посредством воздвигнутых ею страшных бунтов правление государства, внушило в душу ее к удержанию навсегда в руках своих скипетра — пагубное предприятие! Она, опасаясь примеченных ею в детстве еще его великих природных дарований, предприняла или лишить его жизни, или учинить его неспособным к правлению, отдалив от него всякое воспитание. На сей конец наполнила комнаты его развратными юношами, самый учитель его русской грамоты г. Зотов¹⁵ был от него отлучен: одна почти * мать его была и учитель и охранитель его. Но герои, говорит г. Фонтенель, происходят совсем готовыми из рук природы с свойствами, ничем не преодолимыми. Младый государь среди забав своих лишь только увидел Лефорта, привязался к нему, полюбил его. «Редко слух государей, — говорит писатель истории сего господина **, — отверзается истине, но Петр казался из сего общего правила изъятым; он весьма охотно слушал говоренную себе Лефортом истину без всякия прикрасы ласкательства, и, не внимая очаровывающему гласу сирен, окружающих его, избежал расставленных ему сетей, поправ рассыпаемые пред ним цветы, по первому гласу Лефорта бежал к ружью и к солдатским работам. Во время стрелецких бунтов, придает к сему г. Ломоносов, кои все по наущению сестры его на здравие его устремлялись, обучался он военному делу, двенадцати лет стал он рядовым солдатом, и с товарищами своими не только в одном был внесен списке, но и спал с ними в одной палатке, ту же принимал пищу, стоял по очереди на карауле, исправлял все солдатские работы, возя землю к своему потешному крепостному строению на тележке, построенной своими руками». Вскоре потешная рота сия стала полками; все сие происходило при зрении хитрой сестры его и всего преданного ей стрелецкого войска, и в толь нежном возрасте принял намерение упразднить сию страшную тогдашнюю русскую гврдю, подоб-

* Слово почти означает тех немногих из верных, которые были при нем, из каковых были родственники царицыны, господа Нарышкины, князь Борис Алексеевич Голицын¹⁶ и Головин¹⁷, но и оные принуждены были не казаться по наружности таковыми.

** Бассевич¹⁸.

ную преторианской в Риме, которую упразднить бессильны были все цесари, владетели света. Но младый наш герой возмogie учинить и, исторгнув скипетр из рук сестры своей, с новыми войсками побил турок, отнял Азов, сооружил на Черном море сильный флот, о коем до него и понятия не имели; но что удивительнее, в то же время отрешает высокомошное достоинство патриаршее, упраздняет в правлении и самую тень аристократии, могущей послужить ему препятствием в великих его намерениях, вступает в единоборство с страшнейшим неприятелем, и яко второй Тезей¹⁹ сражается с лютыми чудовищами, то есть с суеверием и предрассудками, отсекает несколько глав гидр сих, и, расторгнув узы, наложенные ими на подданных, рассылает многое их число для учения в европейские государства; а дабы и самому ему научиться лучше управлять царством, последовал за ними под утаением величества своего и сам, в пути сем с неутомимою, так сказать, жадностью рассматривал образ мыслей государей, их правления, законы, экономию, нравы народные, их обычаи, воспитание, земледелие, науки и художества, записывая все то с своими на то примечаниями. В Голландии дал он всему свету зрелище, невиданное от века; зрелище истинного величия, высокое наставление государям и пример такого пожертвования, которому бы мы не могли поверить, ежели бы эпоха того времени удалена была от нашего века. Словом, он записался в плотники под именем *Петра Михайлова*, обучался с неописанным рачением кораблестроению, работая в мастерских избах, употребляя одежду и пищу одинаковую с прочими мастеровыми, и в несколько месяцев совершенно оному научился, ходя между тем к славному анатомисту для обучения же хирургических операций и физике. Сего мало, он в то же время обучался и навигации, и многим другим познаниям. «Иногда слушал он, — говорит г. Саварий*, — учения у искусных навигаторов о разных румбах морских ветров, как, смотря на морские карты, безопасно по морю ходить; временем севши за стан и принявшись за челнок, ткал тонкие сукна, шерстяные и шелковые штофы; в иное время, бывая с искусными купцами, искал доведаться секретов голландского банка и вексельных обрядов, с амстердамскими и английскими банкирами завременно договорился о корреспонденции, и ничто от любопытства его не ушло, никакое ремесло от очей его не скрылось... Ходил к мастерам всяких художеств: с кузнецами молотом трудился, с плотниками бревна, брусья и доски тесал, с кожевниками кожи строгал, и проч.».

* В предисловии на «Лексикон» свой о коммерции.

В одно время оставлял топор свой и ездил в Утрехт для свидания с Вильгельмом²⁰, королем английским; потом переехал в Лондон, где таким же образом новые приобрел познания, и, отправив оттуда в Россию множество художников, мастеров, математиков, инженеров и других ученых, приехал в Вену с намерением, осмотрев там все, объездить Италию и другие земли, дабы отовсюду собрать все полезное и всему научиться нужному. Но получает из Москвы курьера о страшном возмущении стрельцов, оставляет все великие предприятия свои, скачет на почте в отечество, истребляет пагубное возмущениями стрелецкое войско, соделывается учителем во всем подданным своим, и Россия вскоре претворяется как бы в один превеликий завод. Там стали разрываться недра земные и из оных извлекаться всякие металлы и минералы, инде литься пушки, бомбы и ядра, в других местах делаться ружья, коваться мечи, шлемы, копья, якоря; ткаться сукна, полотна и всякие материи; строиться корабли, военные и торговые; разводиться лучших пород овцы и лошади; умножаться лучшие продукты и прозябения, и вдруг как бы творческою рукою из небытия произошли страшные армии и флоты, с коими сразился с народом шведским, предводимым таким героем, которого трепетала вся Европа, каков был Карл XII; победил его, отнял завлажденные шведами незаконно провинции свои и к оным присовокупил новые и великие, и в то же время строил новые грады и пристани, пекся о распространении торговли, соединял каналами реки и моря, издавал законы, утверждал новые судебные места, разные училища и академии, искоренял суеверия и предрассудки, и хотя все сие сопряжено было с неодолимыми трудностями, но его рачению и любви к отечеству ничто противостать не могло. Вся Европа взирала на него с изумлением и признала, что в произведении удивления достойных дел имел он паче вдохновение чрезвычайной премудрости, нежели отменное желание прославить имя свое; и наконец, возвед Россию на верх славы, единогласно признан всем светом Императором и Великим.

По такому-то неудобопроходимому пути дошел он до таковой славы, до коликия никто до него не достигал! Проповедуют великие дела его с удивлением в публичном и чрезвычайном собрании Парижской академии наук *. Самые славнейшие мужи именуют его, один сотворителем народа своего и преобразителем севера, и, предпочитая его всем великим людям, избирает его

* Г-н Фонтенель был к сему избран.

своим героем для воспетия его эпической трубою *. Другие, выше всех прославившихся великими делами монархов именуя его то удивлением света, то величайшим из законодателей, то вмещающим в себе совокупно достоинства Людовика XIV, Августа и Карла Великого ²¹, то величайшим из человеков, то достойным владеть не Россиею токмо, но и всем светом, и что великих его дарований никакой велеречивый язык изъяснить и ни одно искуснейшее перо описать не может, одна только всемирная слава (говорил архиепископ Феофан) есть достойная его проповедница, весь свет его стихотворец, а Россия его статуя, прекрасным мастерством им самим переделанная.

Чего ж не достает теперь относительно к герою нашему? Он препрославлен, возвеличен, обожаем подданными. Не достает достойной его истории.

* Г-н Томас в похвальном слове Морицу, и он же, как известно, трудился многие годы в сочинении ему героической поэмы.